

Посвящается Тильде и Кларе

СРЕДА, 29 МАЯ

Когда Патрисия Слоэйн открывает продолговатый почтовый ящик у дороги и вынимает свежую почту, белый конверт вначале остается незамеченным. Она берет под мышку маленькую стопку писем, газет и рекламных листков, опускает красный флажок и идет к воротам.

Еще только май, а жара уже накрыла Шарлотсвилл плотным покрывалом. Газон высох и пожелтел, а земля по всему двору покрылась трещинами от засухи.

Патрисия опирается на белый столб ворот, чтобы перевести дух. День в средней школе Маккинзи, где она работает, выдался на редкость длинным. Утро началось с того, что сработала противопожарная сигнализация, прервав урок полового воспитания и психологии совместной жизни у учеников восьмого класса.

Конечно, Патрисия знала, что тревога ложная. Она видела, как Деннис Род пробежал по коридору с зажженной зажигалкой в руке. Но на всякий случай им все равно пришлось эвакуироваться, а заставить пятьсот подростков построиться на футбольном поле немногим сложнее, чем прогнать стадо взволновавшихся бизонов через безнадежно узкий загон.

ФРИДА ШИБЕК

Женщина устало растирает ноющее плечо. Естественно, пауза привела к тому, что остаток урока по половому воспитанию и психологии совместной жизни восьмиклашки пропустили, к бурному возмущению учителя биологии господина Альвареса. Преподаватель беспокоился, что ученики прослушали только первую, информативную часть его лекции, пропустив вторую, посвященную последствиям, как он выразился, «безответственного использования репродуктивной системы», и требовал немедленного пересмотра расписания, чтобы закончить урок. Патрисии захотелось ответить биологу, что ему следовало бы задуматься о собственном безответственном использовании лосьона после бритья, но вместо этого ей удалось связаться с математиком и убедить его отдать тридцать минут своего урока господину Альваресу.

К этому времени часы уже пробили десять, и Патрисия выбивалась из графика, не выполнив намеченные на утро дела. Сорок пять минут спустя, как раз когда она вновь начинала обретать контроль над ситуацией, в приемную, зажав нос двумя пальцами, вошла Рэйчел Морган. Девочка была одета в физкультурную форму, а над сползшими гольфами красовались ссадины.

— Подсечка, — пробормотала она.

К несчастью, именно в этот момент Патрисия глубоко погрузилась в один из километровых отчетов директора о расходовании материальных ресурсов трудовым коллективом, и ее угораздило переспросить:

— Что ты сказала?

После этого девочка разжала пальцы, и из носа прямо на коврик с эмблемой школы у двери в приемную хлынула кровь.

Патрисия не придумала ничего лучше, чем сорвать с плеч свой любимый платок и вытереть им лицо Рэйчел, одновременно пытаясь разыскать школьную медсестру. Но госпожа Флетчер, как обычно, была на курсах, и в конце концов Патрисии пришлось самой вламываться в медкабинет. Когда она, спустя немало времени, отпустила бедняжку Рэйчел восвояси с двумя ватными тампонами в носу, прозвенел звонок на обед.

— Если бы ты только знал, какой у меня выдался день, — говорит Патрисия, приветствуя великана-лабрадора по имени Барри, который встречает ее у ворот. Барри радостно мотает головой, и Патрисия улыбается. Она никогда не рискнула бы жить на ферме в Мил Крик одна, если бы не пес. Барри — не только сторожевая собака, он еще обеспечивает компанию, когда ей одиноко.

Весело помахивая хвостом, пес короткими прыжками следует за Патрисией на веранду, где она усаживается на синие качели.

Легкий ветерок, пробегающий по полям, приятно обдувает Патрисию, пока она просматривает и сортирует почту, собирая в небольшие стопки. Счета откладывает отдельно, рекламу ближайшего сельского магазина оставляет лежать вместе со свежим номером журнала «Акры». В руке остается только один белый конверт. Он маленького размера, адресат аккуратно выведен черными чернилами, штемпель заграничный.

Патрисия переворачивает конверт, изучая его. Отправитель не указан. Она редко получает рукописные письма и поэтому вначале думает, что письмо на самом деле адресовано Тому и Юнайс, живущим через два дома от нее. Они распахнули двери своего дома ученикам по

обмену, и последние десять лет там по году гостит молодежь из Голландии, Франции и Германии, чтобы познать настоящую американскую школьную жизнь. Патрисия никогда не понимала, почему семьи, у которых достаточно средств, чтобы отправить своих детей учиться за границей, выбирают Мил Крик, но готова предположить, что игры в бутылочку и пивной пинг-понг можно назвать развивающими, если играть в них в англоязычной среде. Однако адресатом письма была указана она, а не Том с Юнайс.

Патрисия пытается вскрыть белый конверт, но он крепко заклеен и не поддается, а ей с дороги хочется пить. Войдя в дом, она достает из холодильника графин, наливает себе чаю со льдом, прихватывает нож, чтобы вскрыть конверт, и возвращается во двор.

Открытая нараспашку дверь в красный сарай ударяет по стенке от порывов ветра. Постройку пора красить — краска выцвела от солнца и начала шелушиться, — но у Патрисии нет ни времени, ни денег для решения этой проблемы.

Она окидывает усталым взглядом поле. Окрестности совсем не изменились со времен ее детства. На ветру шелестят зеленые табачные листья, а за ними, вокруг блестящего на солнце соседского элеватора, желтеет пшеница.

Патрисия обмахивается газетой. Ее крошечное хозяйство никогда не могло сравниться с угодьями Хендерсона, а в последние годы она и вовсе свела его на нет. Большая часть унаследованной от родителей земли распродана, коровы и свиньи ушли с молотка, пришлось избавиться даже от всего оборудования, которое имело хотя бы какую-то ценность на вторичном рынке.

Она охотно продолжала бы держать скот, но в одиночку с таким хозяйством не справиться. Единственное, что оставила Патрисия, — это несколько кур и овощной островок, где растут тыквы, томаты и фасоль, но звуков и запахов скотного двора ей все-таки не хватает.

Иногда Патрисия задумывается, что бы случилось, решишь она покинуть ферму. Никогда не предполагалось, что она останется здесь, но после того, как тридцать лет назад исчезла ее младшая сестра Маделен, Патрисия не смогла расстаться с унаследованным хозяйством.

Взглянув на деревянную спинку качелей, на которой вырезаны буквы «М» и «П», она вздыхает. В детстве их всегда было двое. Они проводили все свое время вместе, а повзрослев, Патрисия доверяла Маделен самое сокровенное. Покинув родительский дом, Патрисия обычно звонила сестре каждое воскресенье. Лежа в постели и наматывая на пальцы скрученные провода телефонных аппаратов, они могли часами беседовать, подробно обсуждая все, что случилось за неделю. Каждый рассказ Патрисии о неудачном свидании или каком-нибудь неловком происшествии в колледже вызывал такой заливистый смех Маделен, что отец начинал колотить в стенку.

Поэтому, когда Маделен призналась, что получила место практикантки в Свободной церкви где-то в шведской деревне, Патрисия испытала не только радость. Конечно, она понимала, что для сестры это — шанс посмотреть мир и узнать страну, откуда приехала мать, но и оставаться одной, без Маделен, ей не хотелось. Теперь их будет разделять целый океан.

Патрисия качает головой. При воспоминании о последней встрече с сестрой глаза вновь наполняют слезы. Она сама отвезла Маделен на вокзал в Шарлотсвилле.

ФРИДА ШИБЕК

Сестра выглядела такой счастливой. В ее взгляде сияло ожидание, она радостно махала из вагона. Знай Патрисия, чем это закончится, не дала бы сестре уехать, но она просто помахала в ответ.

Рука тянется к вырезанным на спинке качелей буквам. Странное испытываешь чувство, когда теряешь близкого человека, но еще более странно не знать, что с ним произошло. Маделен исчезла, не прожив в той деревне и двух месяцев. Однажды она просто упаковала вещи и ушла из церкви, не сказав, куда направляется, и с тех пор ее больше никто не видел.

Отгнав грустные мысли, Патрисия берет письмо. Очки для чтения лежат в сумке, но достать их нет сил, поэтому она прищуривается, пытаясь разобрать текст. На марке изображена королева в серо-синем одеянии, с короной на голове.

Ощупывая конверт, Патрисия равнодушно рассматривает буквы почтового штемпеля: Ш В Е Ц И Я.

Патрисия вздрагивает. Ей пришло письмо из Швеции?

Быстрым движением она вставляет нож в уголок конверта и вскрывает его. Сердце колотится в груди, пока Патрисия опускает палец внутрь, но, к своему удивлению, письма не обнаруживает. Пусто. Хотя нет, там все-таки что-то лежит и выскальзывает, когда она переворачивает конверт.

Патрисия смотрит на тоненькую цепочку, упавшую в ладонь. Внезапно ей становится дурно, она не знает, куда деваться. Внутренний голос призывает ее подняться и бежать прочь, но Патрисия застывает на месте.

С дрожью она поднимает цепочку, повернув ее к солнцу. Серебро слегка поблескивает, взад-вперед покачивается маленький кулон в форме ноты.

Патрисия перебирает цепочку и узнает ее, несмотря на то что не видела больше трех десятков лет.

Медленно приблизив к глазам, внимательно рассматривает кулон. Почва будто сразу уходит из-под ног. Это украшение она купила в подарок Маделен, когда той исполнилось восемнадцать. Оно было на сестре в день отъезда в Швецию.

Патрисия закрывает глаза, пытаясь привести в порядок бурлящие в голове мысли. Неужели это правда цепочка Маделен, и зачем тогда кто-то отправил ее? Получается, кому-то известно, что случилось с сестрой?

Только когда Барри тихонько толкает Патрисию, она поднимает глаза. Встав с места, плетется на кухню. Дома почти так же жарко, как во дворе; открыв кран, Патрисия подставляет лицо под струю воды.

От стекающей по шее холодной влаги перехватывает дыхание. Барри уселся рядом на коврик. Он полон ожидания, будто рассчитывает, что покормят.

Потянувшись за кухонным полотенцем, Патрисия вытирает лицо. Пытается выбросить цепочку из головы, но не может оторвать от нее взгляда. Она совершенно сбита с толку.

Больше половины жизни Патрисия ломала голову над тем, что могло произойти с младшей сестрой. Она выдумывала все возможные сценарии, чтобы объяснить исчезновение Маделен, но ни один из них не позволил смириться с ситуацией. Над ней постоянно висит тень неизвестности, вопросы не отпускают. Кажется, от такого горя невозможно освободиться, оно всегда с тобой, словно рана, зияющая в сердце.

Патрисия гладит мягкую шерсть Барри. Внезапно она чувствует полную эмоциональную опустошенность. Если

отправителю цепочки что-то известно, нужно попытаться его найти. Но как узнать, кто отправил письмо?

Несмотря на то, что для ужина еще рановато, женщина насыпает Барри сухой корм. Радостно помахивая хвостом, пес набрасывается на еду, как только хозяйка успевает поставить перед ним миску.

Патрисия смотрит на своего питомца. Много лет она просила, умоляла судьбу дать ей знак, а сейчас, наконец получив его, удивительно равнодушна.

— Полагаю, нужно ехать в Швецию, — ровным голосом говорит она Барри. — Похоже, пора вернуться туда и еще раз попытаться найти Маделен.

Барри отрывается от миски и смотрит на хозяйку своими добрыми глазами так, что на долю секунды ей кажется, будто он понимает ее чувства. Потом отворачивается, возвращаясь к подушечкам со вкусом печени.

2

СУББОТА, 8 ИЮНЯ

Ручка на радиоприемнике разболталась, но ровно в 07.54, когда должны передавать сводку погоды на суше и в море, Эви начинает вращать ее, и раздается щелчок. Приемнику не больше десяти лет, а он уже начинает барахлить, Эви знает, что пройдет совсем немного времени и ей придется ехать на автобусе в город за новым. Поездки в город она ненавидит.

Первое мгновение в эфире тишина, потом раздается мужской голос метеоролога, который представляется слушателям. Эви вздыхает. Иногда она задумывается,

как набирают этих людей, зачитывающих сводки погоды. Специально подыскивают таких, чтобы голос попротивнее? Быть может, цель «Радио Швеции» — усыпить слушателей прогнозом погоды, и это какой-то эксперимент?

Метеоролог говорит протяжно. Кажется, будто он только что проснулся и зачитывает сводку, одновременно размышляя, как долго ему варить яйца к завтраку: «Мне ведь нравится жидкий желток; с другой стороны, яйцо, сваренное вкрутую, можно нарезать и положить на бутерброд. Кстати, видимость в южной части Балтийского моря хорошая, осадков не ожидается, ветер северо-западный, 7—11 метров в секунду, к полудню затихающий, уровень воды без изменений».

Эви крепко сжимает ручку и торопливо пишет в записной книжке. Упустить ничего нельзя, потому что следующий морской прогноз выйдет в эфир только в 12.55.

Закончив, она отпивает кофе; взгляд скользит по пейзажу за окном. Хорошие погодные условия еще вовсе не означают, что вероятность несчастных случаев уменьшается. Напротив, чем лучше погода, тем выше риски, потому что больше людей устремляется к морю.

Пока Эви готовит себе бутерброды — намазывает два хрустящих хлебца маслом и печеночным паштетом и выкладывает поверх нарезанный кружочками огурец, — снаружи раздается какой-то шум. Кто-то скребется в дверь, затем тишину нарушает громкое мяуканье. Эви со стоном поднимается из-за стола и ковыляет в прихожую.

На крыльце стоит Саба, потягиваясь в лучах утреннего солнца. Похоже, кошка ничуть не смущается оттого, что гуляла всю ночь. Вместо этого она лукаво помахивает черным хвостом, будто желая сказать: «Ну вот, королева изволила вернуться домой».